

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

27

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1876.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерс и Коми., въ С. П. Б.

Я. А. Исакова, въ С. П. Б.

Г. Шиндлерова, въ С. П. Б.

А. А. Черкесова, въ С. П. Б.

Н. Климеля, въ Ригѣ.

Цена 4 руб.

L Soc 3983.17 (27)₁

~~57002023~~

JAN 23 1884

Wayward find.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1876 года.

Непремѣнный Секретарь *К. С. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.

	СТРАН.
Предварительное вычисленіе солнечных затмѣній и подоб- ныхъ явленій по способу Гауса. А. Савича.....	1— 37
Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Матема- тическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1874 годъ. Составленъ Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ К. С. Веселовскимъ.....	38— 77
Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, читанный въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29-го декабря 1875 г. Академикомъ И. И. Срезневскимъ.....	78— 92
Записка о трудахъ профессора А. А. Потебни. Академика И. И. Срезневскаго.....	93—121
Донесеніе комисіи, разсматривавшей записку г. Векса объ уменьшеніи количества воды въ источникахъ и рѣкахъ. Читанъ въ засѣданіи Академіи 27-го января 1876 года. Академиковъ Г. Гельмерсена и Г. Вильда.....	123—132
Растительные остатки, находимые въ валунахъ рѣчки Огуръ въ Сибири. Извлеченіе изъ статьи, читанной въ засѣ- даніи Физико-Математическаго Отдѣленія 9-го марта 1876 г. И. Шмальгаузена.....	133—137
Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за ноябрь и декабрь 1875 года, январь, февраль и мартъ 1876 года:	
Общее Собраніе	138—158
Физико-Математическое Отдѣленіе.....	159—175
Отдѣленіе Русскаго языка и Словесности.....	176—182
Историко-Филологическое Отдѣленіе	182—186
Задача для соисканія преміи. О русскихъ повременныхъ изданіяхъ съ 1803 по 1850 г.....	187—187
—	
Алфавитный указатель въ XXVII-му тому Записокъ Академіи Наукъ.....	189—198

Приложенія:

№ 1. Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова. Выпускъ второй.....	1—584
№ 2. Инструкція для метеорологическихъ станцій. Г. Вильда.	1— 48
№ 3. Тохтамышъ и Фирковичъ. По поводу спора о двухъ искаженныхъ еврейскихъ надписяхъ и двухъ вымыш- ленныхъ гѣтосчисленіяхъ. Статья А. Куннеа.....	1— 64
№ 4. О самосчётахъ и о новомъ ихъ примѣненіи. (Съ ли- стомъ чертежей). В. Я. Буняковского.....	1— 28

ЗАПИСКА

о трудахъ профессора А. А. Потебни, представленная во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ

Ординарнымъ Академикомъ И. И. Срезневскимъ.

Въ прошедшемъ 1874 году явились двѣ книги «изъ Записокъ по Русской грамматикѣ», А. А. Потебни. По своему изслѣдовательному направленію, онѣ заслуживаютъ особенное вниманіе какъ трудящихся надъ изученіемъ особенностей Русскаго языка сравнительно съ другими сродными, такъ и слѣдящихъ за успѣхами науки въ этомъ отношеніи.

Обратить на нихъ особенное вниманіе тѣмъ естественнѣе, что они не плодъ труженика начинающаго, а ученаго, который уже въ продолженіи пятнадцати лѣтъ трудами своими принимаетъ живое участіе въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, участіе вооруженное знаніемъ трудовъ современныхъ дѣятелей и выводовъ въ области языкознанія, знаніемъ современныхъ требованій науки и непосредственнымъ изслѣдованіемъ какъ языковъ сродныхъ съ Русскимъ, такъ и источниковъ, дающихъ болѣе или менѣе важныя данныя объ общихъ и мѣстныхъ свойствахъ Русскаго языка нынѣшняго и прежняго времени.

Считая одною изъ самыхъ важныхъ обязанностей филолога вниканіе въ выразительность изслѣдуемаго языка, г. Потебня началъ свои работы разсмотрѣніями явленій и условій выразительности Русскаго языка въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ

и въ произведеніяхъ народной поэзіи, какъ простыхъ и сложныхъ символовъ понятій и представленій въ связи съ міросозерпаніемъ и жизнію народа, и съ отдѣльными его преданіями, повѣрьями и обрядами. Начиная съ 1860 года, стали являться его труды, по вопросамъ, даваемымъ этимъ направленіямъ языкознанія. Таковы:

— О нѣкоторыхъ символахъ въ Славянской народной поэзіи. 1860.

— Мысль и языкъ. 1862.

— О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ 1864.

— О мнѣическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій (: 1. Рождественскіе обряды, 2. Баба яга, 3. Змѣй. Волкъ. Вѣдьма). 1865.

— О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. 1865.

— О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ. 1867.

— Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака. 1867.

Читая эти произведенія, нельзя не удивляться начитанности изслѣдователя и умѣнью пользоваться знаніемъ многихъ языковъ и произведеній народной поэзіи и мифологіи многихъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его широкой сообразительности въ присканіи соотношеній между представленіями и въ сравненіи годныхъ для него данныхъ, замѣченныхъ имъ въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ. Немудрено, что самое обиліе запасовъ его памяти и легкость ими пользоваться — давали ему силу увлекаться, и что эта сила увлеченія должна была нерѣдко побѣждать въ немъ сдержанность его ума, готоваго столько же подчиняться несомнѣннымъ доказательствамъ, сколько и сомнѣваться во всемъ, что не объясняется такими доказательствами. Увлеченіе заставляло приходитъ къ выводамъ, показавшимся другимъ слишкомъ смѣлыми или и невѣрными, хотя и къ такимъ же, какіе были защищаемы изслѣдователями, достойными полного уваженія, и между прочимъ такими даровитыми, какъ Яковъ Гриммъ и Буслаевъ. Самыя увлеченія такихъ людей важны для успѣховъ науки, для выработки приемовъ ра-

боты и приемы критики, для оцѣненія важности данныхъ, нужныхъ для выводовъ, и выводовъ изъ нихъ. Разсматривая съ этой стороны труды г. Потебни, нельзя не быть признательнымъ къ нему за нихъ, такъ же какъ на пр. и г. Лавровскому за строгій разборъ части ихъ (см. его Разборъ изслѣдованія о мнѣнческомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій и обрядовъ. 1866). Только время и послѣдующія изслѣдованія многихъ дѣятелей могутъ показать, что именно изъ соображеній г. Потебни должно считаться достоинствомъ науки. Теперь же можно остаться только при увѣренности, что онъ потрудился не совершенно напрасно — не только надъ объясненіемъ значеній нѣкоторыхъ словъ въ мысли и жизни народа, но и надъ нѣкоторыми явленіями поэзіи, мифологіи и обрядности народной, что принесъ пользу по крайней мѣрѣ подборами разнообразныхъ сближеній и сравненій.

Можно даже пожалѣть, что г. Потебня, на сколько это можно видѣть изъ издаваемыхъ имъ нынѣ трудовъ, уже не продолжаетъ трудиться въ направленіи, котораго исключительно держался въ первые годы своей учено-литературной дѣятельности: даровитость, управляемая опытностью и желаніемъ сознательно объяснить неясное самому себѣ и потомъ уже другимъ, всегда можетъ быть порукою въ пользѣ дѣятельности людей науки, въ какомъ бы направленіи они не трудились. Нельзя впрочемъ и не порадоваться, что г. Потебня сталъ трудиться на томъ полѣ, которое обѣщаетъ обильную жатву болѣе вѣрныхъ наблюденій и выводовъ, на полѣ разбора строя Русскаго языка.

Первые труды его на этомъ поприщѣ появились въ 1866 г. Это были «Два изслѣдованія о звукахъ Русскаго языка». Одно изъ нихъ представило новый разборъ такъ называемаго полногласія Русскаго языка; другое — подборъ данныхъ о звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій.

Первое изъ этихъ изслѣдованій, опираясь на современныхъ домыслахъ общесравнительнаго языкоученія и на сравненіи Русскаго языка съ другими Славянскими и не Славянскими, съ ними сродными, привело къ объясненію, почему именно въ опредѣлен-

номъ кругѣ словъ Русскаго языка явилось полногласіе (городъ, берегъ, долото, молоко, вм. градъ, брѣгъ, длато, млѣко), и почему въ другомъ столько же опредѣленномъ кругѣ Русскихъ словъ оно не явилось. Особенно любопытны доводы, приводимые г. Потебнею о словахъ второго порядка (такихъ какъ: трава, слава, дрѣмать, слѣпой).

Второе изслѣдованіе (о звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій) еще болѣе важно. Воспользовавшись наблюденіями, сдѣланными прежде, г. Потебня не принялъ ни одного изъ нихъ безъ критической оцѣнки его вѣрности, обогатилъ запасъ данныхъ личнымъ трудомъ по памятникамъ нынѣшняго народнаго языка и по памятникамъ прежняго времени, разсмотрѣлъ каждое изъ нарѣчій отдѣльно, по одной и той же системѣ вопросовъ, и наконецъ свелъ всѣ наблюденія къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ. Считая долгомъ отмѣтить эти общіе выводы, какъ вполне самостоятельно добытые своды частныхъ соображеній, упомяну предварительно, что г. Потебня избралъ дѣленіе Русскихъ народныхъ говоровъ на два главныхъ нарѣчія: Великорусское и Малорусское, а Великорусскаго на два мѣстныхъ нарѣчія: южное и сѣверное, изъ которыхъ къ первому отнесено Бѣлорусское, какъ его особенное отвѣтвленіе. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, суть слѣдующіе:

1. «Возводя теперешнія Русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ конкретный нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ Славянскихъ. Главнѣйшія звуковыя особенности этого языка по отношенію къ Старославянскому слѣдующія: — *о* вмѣсто *e* въ началѣ словъ (одинъ вм. единъ); — *у* вм. *ѣ* передъ согласными и на концѣ (дути, зубъ вм. дѣти, зѣбъ, хождѣ, за руку вм. хождѣ, за рѣкѣ); *я* (за исключеніемъ не многихъ случаевъ) вм. *а* при тѣхъ же условіяхъ (зѣбнути, тяжко вм. зѣбѣти, тажко, сидѣ, ся вм. сидѣ, сѣ); — *з* и *ѣ* передъ плавными въ большинствѣ случаевъ (тѣргъ, вѣлкъ, смѣрътѣ вм. тѣргъ, вѣлкъ, смѣрътѣ); близость этихъ глухихъ гласныхъ къ *о* и *e*; полногласіе (воронъ,

дерево, голодь, волочи вм. вранъ, дрѣво, гладъ, влѣщи); бѳльшая мягкость шипящихъ и *ц*, которыя соединяются съ *я*, *и*, а не съ *а*, *у*, какъ въ Старославянскомъ; *дж* (= ж) вмѣсто Старославянскаго *жд*, *ч* вм. Старославянскаго *шт*».

2. «Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII вѣка, потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого Великорусскаго нарѣчія на сѣверное и южное, а такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе Малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ Великорусскихъ, чѣмъ эти другъ отъ друга.

3. «Признаки, предполагаемые всѣми Малорусскими говорами, можно признать древнѣйшими, если нѣтъ положительныхъ указаній на противное. Ими прежде всего отдѣлилось Малорусское нарѣчіе отъ обще-Русскаго языка. Такихъ признаковъ не много. Самый крупный изъ нихъ есть чуждое предполагаемому обще-Русскому языку и Великорусскому нарѣчію *количественное* различіе гласныхъ *о* и *е* въ слогахъ среднихъ и прямыхъ (рѣкъ — року, жѣнка — жона). Такое различіе могло существовать за долго до того времени, когда оно выразилось въ качественномъ различіи *о* и *е* долгихъ отъ *о* и *е* короткихъ, а такое качественное различіе появляется въ письменности не позже конца XIV вѣка. Не можемъ рѣшить на вѣрное, какое именно качественное измѣненіе звука *ѳ* предполагается всѣми Малорусскими говорами; но вполне вѣроятно, что это была доегласная. Долгое *е* повсемѣстно измѣнилось въ *к* или *е*, что легко могло и не обозначаться на письмѣ; короткое *е* осталось (семь — семи). Обще-Малорусскою замѣною древняго *ь* не можетъ быть ни *и*, ни *ји*, ни *је*: всѣ эти формы предполагаютъ *е*, по произношенію отличное отъ основнаго *е*. Эта черта не характеристична по отношенію къ обще-Русскому языку, но отличаетъ Малорусское нарѣчіе отъ обоихъ главныхъ Великорусскихъ говоровъ, которые вѣроятно за долго до XIII в. стали смѣшивать *ь*, *е* и *ѳ*... (Отмѣчены еще: переходъ *е* въ *о* послѣ шипящихъ, измѣненіе *г* въ *н*, смѣшеніе *у* и *ѳ*, измѣненіе *л* въ *ѳ*, возможность опускать *ть* въ 3-мъ л. ед. наст.).

4. «Предполагаемое обще-Великорусское нарѣчіе, быть можетъ, уже въ X ст. или раньше выдѣлилось отъ древняго языка мягкимъ произношеніемъ *ъ* и *е*, непосредственнымъ смягченіемъ согласныхъ предшествующихъ этимъ гласнымъ и ослабленіемъ *дж* (изъ *дј*) въ *ж*».

5. «Посредственное смягченіе гортанныхъ въ *з*, *ц* и *с* оставалось долгое время и послѣ того, какъ обозначилось различіе между Сѣверно-Великорусскимъ и Южно-Великорусскимъ; потомъ оно совершенно исчезло въ первомъ, отчасти во второмъ, но почти вполнѣ удержалось въ Малорусскомъ».

6. «За тѣмъ до начала XIII в. Сѣверно-Великорусское выдѣлилось болѣе явственнымъ, чѣмъ въ другихъ нарѣчіяхъ, произношеніемъ глухихъ звуковъ на концѣ (потомъ отчасти перешедшихъ въ чистое), особеннымъ до сихъ поръ неяснымъ направлениемъ измѣненія звука *е* въ *ѣ*, *о*, не менѣе неяснымъ стремленіемъ измѣнять *ъ* въ *и* не вездѣ, а только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, удержаніемъ мягкости звуковъ *ч* и *щ* и ихъ смѣшеніемъ».

7. «Южное Великорусское отдѣлилось отъ сѣвернаго—такъ сказать господствомъ слоговъ ударяемыхъ надъ неударяемыми, которые повлекли за собою разныя явленія (переходы однихъ гласныхъ въ другія и пр.)».

Эти выводы г. Поттебни въ ихъ совокупности достаточно ясно показываютъ и общую точку зрѣнія на языкъ Русскій и на систему звуковыхъ особенностей языка, и главные вопросы, которые хотѣлъ онъ рѣшить въ разборѣ звуковыхъ особенностей Русскихъ нарѣчій, и къ чему пришелъ.

Не скрою, что съ большимъ удовольствіемъ былъ бы я готовъ предложить на общее обсужденіе свои сомнѣнія въ правильности какъ общей точки зрѣнія на систему звуковыхъ особенностей Русскаго языка, такъ и подбора главныхъ вопросовъ, отъ которыхъ рѣшенія зависятъ опредѣленіе отличительныхъ признаковъ Русскихъ нарѣчій и говоровъ, если бы только это могло быть здѣсь уместно. Еще съ большимъ впрочемъ удовольствіемъ

признаюсь, что, несмотря на несходство моего взгляда со взглядомъ г. Потебни въ общемъ (кроме дѣленія Русскаго языка на нарѣчія), бѣльшая часть частныхъ, мнѣ кажется, должна быть принята и развѣ только иначе растолкована.

Въ 1871 году г. Потебня издалъ новый трудъ того же рода, давши въ немъ мѣсто своду своихъ новыхъ наблюдений и изысканий преимущественно по одному изъ Русскихъ нарѣчій подь скромнымъ названіемъ «Замѣтокъ о Малорусскомъ нарѣчій». По характеру изложенія это дѣйствительно замѣтки—на столько же, какъ по первичному поводу изслѣдованія; но кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи не только опредѣлять звуковыя особенности Малорусскаго нарѣчія сравнительно съ Великорусскими въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы фонетики Русскаго языка вообще, имѣя средства доказательно оспаривать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными. Нельзя при этомъ не замѣтить, что свои наблюдения г. Потебня извлекъ изъ очень богатаго подбора источниковъ, какъ древнихъ и старинныхъ, такъ и современныхъ. Нельзя такъ же не быть ему признательнымъ за желаніе быть безпристрастнымъ, дававшее ему рѣшимость сознаваться въ ошибкахъ, отказываться отъ мнѣній, оказавшихся невѣрными, искать не доказательствъ предвзятой мысли, а какъ можно болѣе данныхъ для наиболѣе вѣрнаго свода ихъ къ выводу. Основные выводы, высказанные г. Потебней въ прежде отмѣченномъ трудѣ, остались впрочемъ почти всѣ тѣже.

Оба обозначенныя изслѣдованія г. Потебни по фонетикѣ Русскихъ нарѣчій очень важны для того, кто ими пользуется какъ пособіемъ для изученія мѣстнаго разнообразія Русскаго языка,—и не только сводами наблюдений, въ нихъ представленными и объясненными—между прочимъ и сравнительнымъ способомъ, но и приведеніемъ положительныхъ данныхъ о нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ говорахъ — въ отдѣльныхъ приложеніяхъ.

Въ 1873—1874 году появились новыя замѣтки г. Потенби — Замѣтки по исторической грамматикѣ Русскаго языка. Онѣ помѣщались въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ видѣ критическихъ статей написанныхъ по поводу книгъ М. Колосова (Очеркъ исторіи звуковъ и формъ Русскаго языка XI—XVI в.) и Л. Гейтлера (*Starobulgarská fonologie se stálým zřetelem k jazyku Litevskému*), и къ сожалѣнію до сихъ поръ не изданы. Заглавіе давало право ожидать и розысканій по грамматикѣ въ собственномъ смыслѣ слова, по строю образованія и преобразованія словъ и по строю сопоставленія ихъ въ связной рѣчи; но въ изданныхъ статьяхъ разобраны только нѣкоторыя положенія по Русской и вообще Славянской фонетикѣ, тѣ же которыя были разбираемы г. Потенби и въ прежнихъ его изслѣдованіяхъ, только съ болѣе общей точки зрѣнія, съ приведеніемъ данныхъ изъ болѣе обширнаго круга. И здѣсь г. Потенби держится того же правила, какъ и прежде: не защищать свое мнѣніе какъ непогрѣшимый выводъ во что бы то ни стало, ни отмалчиваться въ случаѣ зародившихся сомнѣній, а ясно выставлять данныя, ведущія къ иному выводу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, уважать мнѣнія другихъ, какъ бы онѣ ни противорѣчили его собственнымъ, лишь бы были научно цѣнны. Такъ между прочимъ въ одной изъ статей представлена новая переработка рѣшенія о Русскомъ полногласіи, приведшая его къ нѣкоторымъ новымъ объясненіямъ прежнихъ выводовъ посредствомъ сравненій, частью новыхъ, частью измѣненныхъ подъ вліяніемъ указаній, сдѣланныхъ другими изслѣдователями.

Вообще нельзя не сказать, что своими изслѣдовательными трудами по Русскому языку, до селѣ обозначенными, г. Потенби сталъ въ рядъ тѣхъ не многихъ нашихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ научнаго трудолюбія, которые дѣйствительно помогали и помогаютъ раскрытію и уясненію строя Русскаго языка и послѣдовательности его измѣненій. Тотъ новый трудъ его, на которомъ я считаю долгомъ особенно остановиться, удостовѣряетъ въ этомъ окончательно.

Это — Записки по Русской грамматикѣ (1874 г.). Вышли пока двѣ книги: одна, сравнительно небольшая (157 страницъ), заключаетъ въ себѣ введенеіе; другая, очень большая (538 стр.) — разборъ составныхъ членовъ предложенія и ихъ замѣнъ въ Русскомъ языкѣ. Я остановлюсь особенно на этой второй книгѣ; но считаю долгомъ дать свое мнѣніе и о значеніи первой книги. Обращать вниманіе на то, что моему личному разумѣнію кажется особенно вѣрнымъ или особенно невѣрнымъ въ выводахъ г. Потебни, слѣдовательно пользоваться его книгой такъ или иначе какъ поводомъ высказать свои собственные домыслы и убѣжденія, и личною мѣркою мѣрить значеніе его труда — считаю неумѣстнымъ. Желаю представить совершенно безотносительно хоть нѣкоторыя изъ доказательствъ, заставляющія меня дорожить его трудомъ, какъ важнымъ вкладомъ въ запасъ необходимыхъ пособій для научнаго вниканія въ строй Русскаго языка. При этомъ позволяю себѣ иногда только одну вольность — передавая ту или другую мысль изслѣдователя не дословно держаться его изложенія, а высказывать ее своими словами, какъ бы она была моя собственная: то и другое допускаю по желанію выразиться короче или яснѣе. Считаю нелишнимъ прибавлять иногда отъ себя и нѣкоторые примѣры.

Въ десяти главахъ Введенія дано мѣсто обслѣдованію общихъ грамматическихъ положеній: Что такое слово? Въ какомъ соотношеніи состоятъ представленіе, нуждающееся въ словѣ, и значеніе слова? Что такое корень слова? Что такое грамматическая форма слова? По чему узнается присутствіе этой формы въ данномъ словѣ? Какъ отличать формы этимологическія и синтаксическія? Что значитъ созданіе и разрушеніе грамматическихъ формъ? Въ какомъ соотношеніи состоятъ грамматика языка и логика? Что затрудняетъ при опредѣленіи предложенія и его членовъ? Къ чему приходимъ отдѣляя разные члены предложенія и разныя части рѣчи?

Давая отчетъ по каждому изъ этихъ вопросовъ поочередно, г. Потебня не счелъ возможнымъ излагать только свои личные

воззрѣнія: и до него много разъ эти вопросы были рѣшаемы и по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ рѣшеній случайно получили силу несомнѣнныхъ; а между тѣмъ не всегда можно и должно признавать ихъ несомнѣнными уже потому, что многія изъ нихъ несогласно противны одни другимъ; зная это и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду читателей, предубѣжденныхъ въ пользу рѣшеній, которыя въ той или другой степени оказываются сомнительными, нельзя оставить ихъ въ сторонѣ не разобравъ ихъ, гдѣ отдѣльно, гдѣ въ связи съ рѣшеніями другихъ близкихъ вопросовъ. Не отъ желанія выказывать себя въ борьбѣ съ изслѣдователями и мыслителями, которыхъ домыслы не счелъ онъ возможнымъ усвоить, а только для уясненія самого дѣла, г. Потенія приводитъ свои доводы противъ домысловъ, имъ отвергаемыхъ, такъ же безстрастно, какъ въ другихъ случаяхъ пользуется чужими доводами, не присваивая ихъ себѣ, а указывая, кому что принадлежитъ.

Такъ, объясняя значеніе слова, какъ отдѣльнаго созвучія, употребляемаго для обозначенія отдѣльнаго представленія, и затѣмъ обозначая обстоятельства перехода слова отъ одного значенія къ другому, онъ хотя и высказываетъ все это своеобразно, указываетъ, чѣмъ именно изложеніями воспользовался онъ при передачѣ домысловъ, болѣе или менѣе укоренившихся въ наукѣ; но когда дѣло дошло до опредѣленія отношеній между словомъ и корнемъ, изъ котораго оно произошло, когда надобно было опредѣлить значеніе корня слова, онъ становится своеобразнымъ не только въ объясненіи, но и въ самомъ домыслѣ, и доказательно указываетъ, съ какими ограниченіями должно принимать ту или другую мысль того или другого изслѣдователя-мыслителя и какую надобно отвергать, какъ нарушающую общій строй соображеній и вмѣстѣ не вѣрно передающую то, что вызвало ее изъ внѣшняго міра жизни.

Ограничивъ по своему опредѣленію корня слова (такъ: «корень (слова) есть знаменательное сочетаніе звуковъ, которое остается по выдѣленіи изъ слова всѣхъ остальныхъ знаменательныхъ сочетаній (звуковъ) и по устраненіи звуковыхъ случайностей»), онъ

не считать возможнымъ и это опредѣленіе считать полнымъ и всюду приѣмнымъ. Наблюдения надъ дѣйствительными и ясно понимаемыми явленіями языковъ, указываютъ, что кромѣ словъ, происшедшихъ отъ корней такъ, что въ нихъ чувствуется хоть что нибудь общее по мысли съ корнемъ, отъ котораго они произошли, есть слова, не напоминающія о первоначальномъ своемъ корнѣ ровно ни чѣмъ, отдѣлившіяся такъ, что сами сдѣлались первообразами словъ, отъ нихъ происшедшихъ. Выражая это г. Потебня, очевидно даетъ знать, что и въ средѣ явленій, вовсе недоступныхъ нашему разумѣнію, должны быть такія слова, которыя хотя и были въ свое время ясно произведены отъ корней, ясно отличенныхъ и вѣрно отвлекаемыхъ, позже совершенно отдѣлились отъ своихъ непосредственныхъ корней, сдѣлались сами какъ бы новыми корнями, или даже по звукамъ и по представленіямъ, обозначаемымъ этими звуками, сошлись какъ родныя со словами совершенно другого происхожденія. Отгадать въ словѣ *почва* то, что взято было для его образованія какъ подъ-шва (подошва), можно; но вовсе не по его значенію и звучности, а только по тому, что еще остались среднія поколѣнія словъ, указывающихъ на его сродство съ ними и на ихъ сродство съ болѣе давнимъ ихъ корнемъ; отгадать можно и въ словѣ *чанъ* его первообразъ *дѣско*, только по тому, что есть въ виду другія произношенія и другія болѣе древнія написанія его (дщанъ, дщанъ, ср. досканъ = дьсканъ); но что, если бы не было этихъ среднихъ членовъ? Слово *почва*, могло быть, какъ и дѣйствительно было, производимо отъ *почить*, *почивать*, а *чанъ* отъ *чанъ* и *чанъ*. Имѣя въ виду такія трудности, нельзя заниматься отвлеченіемъ корней отъ словъ такъ простоудшно и съ такою довѣренностью къ этимологическимъ приѣмамъ, какъ это не рѣдко дѣлалось и дѣлается. Надо подчинить способы пользованія этими приѣмами строгимъ правиламъ осмотрительности, видоизмѣнить самые приѣмы, и во всякомъ случаѣ стѣснить кругъ словъ подвергающихся простому этимологическому разложенію.

Въ разсмотрѣніи составныхъ частей слова, условій при кото-

рыхъ совершается образованіе слова, и измѣненія приставокъ, необходимыхъ для образованія слова, во внѣшнемъ ихъ видѣ и внутреннемъ значеніи, находимъ у г. Потемни такъ же кое что своеобразное, между прочимъ и тамъ, гдѣ онъ представляетъ признаки отличія тѣхъ составныхъ частей слова, которыя остаются въ немъ неотъемлемо, отъ тѣхъ, которыя появляются сообразно съ положеніемъ его въ связной рѣчи. Онъ убѣждаетъ упорно и доказательно держаться мысли, что количествомъ формъ словъ того и другого рода еще не опредѣляется ни количество оттѣнковъ идей, для выраженія которыхъ потребовались отдѣльныя слова, ни количество мысленныхъ постановокъ каждой изъ нихъ въ связи съ другими. Формъ можетъ быть менѣе, значительно менѣе, чѣмъ тѣхъ особей мышленія, которыми онѣ выражаются. Такъ на пр. въ глаголахъ *женить женю, залетать залетаю* и. т. п. одною формою выражаются по два оттѣнка представленія, изъ которыхъ одинъ требуетъ въ словѣ знака длительности совершающагося или совершившагося дѣйствія (какъ на пр. въ глаголахъ *ходитъ хожу, заплетать заплетаю, забываютъ забываю*), а другой знака недлительности дѣйствія совершившагося или имѣющаго совершиться (какъ въ глаголахъ *воротить ворочу, и забываютъ забываю*); Такъ и въ видоизмѣненіяхъ слова по падежамъ выражается не столько оттѣнковъ представленія идеи слова въ связи съ другими, сколько падежныхъ окончаній, а болѣе. Такъ на пр. пропажа формы звательнаго падежа не доказываетъ пропажи движенія мысли, требовавшаго прежде особеннаго окончанія слова.

Разсматривая формы словъ нельзя опускать изъ виду и соотношенія съ тѣмъ, что ими должно быть выражаемо. «Какимъ образомъ доходятъ до мысли о паденіи грамматическихъ формъ? Берутъ на пр. схемы склоненій въ трехъ періодахъ языка и сосчитываютъ въ каждомъ отдѣльно различныя по звукамъ окончанія. Оказывается, положимъ, что въ древнемъ языкѣ было такихъ окончаній 40, въ среднемъ 20, въ новѣмъ остается 5 или 6. Отсюда выводъ по видимому несомнѣнный: паденіе формъ. Но здѣсь за форму принятъ внѣшній знакъ, тогда какъ форма есть значеніе; сосчитано число

вышнихъ знаковъ опредѣленнаго порядка, но не показано, что эти знаки достаточно различались по своему значенію, и что присутствіе ихъ въ языкѣ было признакомъ богатства и порядка, а не лишнимъ бременемъ для мысли; что если они и различались достаточно, то не замѣнялись ли какими-либо другими указаніями на форму. Число формъ, т. е. формальныхъ значеній въ разныхъ періодахъ языка вовсе несосчитано. Между тѣмъ, чтобы доказать, что число формъ уменьшается, нужно считать именно формальные отгѣнки значеній — трудъ не столь легкій, какъ счетъ окончаній. Вѣроятно, результаты такого труда были бы во первыхъ менѣе точны, потому что въ каждомъ языкѣ есть большое количество такихъ формальныхъ значеній, коихъ ученые наблюдатели вовсе незамѣчаютъ (если только это не ихъ собственный языкъ, гдѣ они должны все различать на дѣлѣ), кои учеными понимаются ошибочно или смѣшиваются съ другими; во вторыхъ, при всей неточности результаты эти могли бы быть далеко несогласны съ выводами изъ счета окончаній. «Всякое особенное употребленіе падежа есть особенный падежь; каждое особое значеніе предлога даетъ новый падежь... Число падежей въ этомъ смыслѣ скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается».

Съ такими убѣжденіями естественно придти къ мысли не о бѣдности по формамъ языковъ новыхъ сравнительно съ ихъ состояніемъ въ древнее время, а объ ихъ богатствѣ. Мысль не новая, но она освѣщена г. Поттебнею совершенно самостоятельно.

Не менѣе своеобразной самостоятельности, по крайней мѣрѣ сравнительно съ тѣмъ, что обыкновенно высказывается, находимъ и въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены разбору частей предложенія и частей рѣчи. Отдѣленіе ихъ разными названіями почти въ полнѣ оставлено прежнее; но въ слѣдствіе сравнительнаго разбора явленій языка (или лучше сказать разныхъ языковъ и въ разные періоды ихъ существованія), почти каждому названію дано болѣе или менѣе другое значеніе. Для примѣра укажу на то, что г. Поттебня относитъ къ кругу такъ называемыхъ связокъ: связкою можетъ быть и глаголъ личный (какъ часть

предиката, состоящаго изъ него и изъ предикативнаго атрибута: былъ пьянъ, воротился пьянъ, напился пьянъ), и причастіе (Кал-яфа архiereи сы гѣту тому) и предлогъ (связка объекта: «когда дополненіе имѣющее свое дополненіе, терлетъ значеніе объекта и переходитъ въ нарѣчіе, то тѣмъ самымъ оно становится связкою, соединяющею свое прежнее дополненіе съ дополняемымъ: копикъ преломити *конецъ* поля Половецкаго»).

Указавъ только на нѣкоторыя особенности первой книги Записокъ по Русской грамматикѣ, считаю долгомъ прибавить, что не онѣ составляютъ въ ней то главное, что достойно вниманія, а выполненіе желанія по возможности цѣльно и критически представить всѣ общія явленія грамматическаго строя языка вообще, примѣнительно къ строю Русскаго языка. Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя языка у насъ еще не было. Не было его даже какъ выборки изъ разныхъ книгъ, дающей отвѣты на предвзятые вопросы; въ трудѣ же г. Потевни имѣемъ не выборку изъ разныхъ книгъ, а переработку изслѣдованій и соображеній относительно строя языка и его образованія и преобразованія. Можно было бы указать на Историческую грамматику Русскаго языка г. Буслаева, если бы въ ней по самой цѣли ея не было допущено сжатости изложенія всего общаго. Конечно было бы желательно видѣть въ трудѣ г. Потевни еще болѣе объяснительныхъ подробностей, болѣе равномѣрности частей; но и въ такомъ видѣ это — трудъ желанный.

Обращаюсь ко второй книгѣ Записокъ по Русской грамматикѣ. Это — часть исторической грамматики Русскаго языка. Упомянувъ только что о трудѣ О. И. Буслаева, о его исторической грамматикѣ Русскаго языка, не могу не вспомнить о немъ еще разъ. Трудъ этотъ первымъ изданіемъ вышелъ еще въ 1858 году, а оконченъ въ рукописи и утвержденъ къ изданію начальствомъ Военно-учебныхъ заведеній еще въ 1853—1856 годовъ ¹⁾, въ то время, когда ни у насъ, ни у кого изъ западныхъ Славянъ

¹⁾ Въ 1853 г. первая часть; а въ 1856 г. вторая.

почти не было сдѣлано ничего по исторической грамматикѣ родного языка. Вся книга Буслаева и особенно вторая часть ея, синтаксисъ, пролила разомъ столько свѣта, что ея появленіемъ сдѣланъ новый важный шагъ въ разработкѣ грамматики не только Русской, но и вообще Славянской. Конечно, не должны быть забыты появившіеся почти одновременно съ трудомъ Буслаева, труды Миклошича, Гатталы и Даничица ¹⁾; но то, что составляетъ главную особенность труда Буслаева, его историческія наблюденія надъ строемъ связной рѣчи, нельзя не считать его неоспоримо-первичной заслугой, тѣмъ болѣе замѣтной, что для большинства тѣхъ, кто у насъ занимается подробностями строя Русскаго и Старославянскаго языковъ, трудъ Буслаева остается и доселѣ главнымъ, если не единственнымъ руководителемъ. — Г. Потенія является достойнымъ продолжателемъ Буслаева.

Имѣя въ виду обычное расположеніе частей грамматики и содержаніе первой книги Записокъ, какъ Введенія, можно было бы ожидать отъ этой второй книги разсмотрѣнія формъ образованія словъ; но г. Потенія, въ слѣдствіе ли убѣжденія или по обстоятельствамъ отложивъ это въ сторону, прямо обращается къ синтаксису; и то не къ объясненію первыхъ условій строя связной рѣчи, а прямо къ сказуемому. Эта послѣдняя особенность легко можетъ быть объяснена. Характеръ изложенія дѣла въ Запискахъ г. Потенія есть чисто изслѣдовательный. Что необходимо было указать какъ основное въ общемъ строѣ предложенія, то указано во Введеніи, и затѣмъ уже не для чего было повторять или иными словами пересказывать прежде сказанное. Даже и обратясь прямо къ сказуемому, г. Потенія не счелъ нужнымъ повторять прежде сказаннаго о сказуемомъ, а сославшись на мѣста Введенія, гдѣ это изложено, обратился прямо къ предметамъ изслѣдованія. Руководствоваться въ научномъ изслѣдованіи языкознательными

¹⁾ Fr. Miklosich Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen: I. Lautlehre. Wien. 1852; II. Formenlehre. Wien. 1856; — M. Hattala Srovnávací mluvnice jazyka Českého a Slovenského v Praze. 1857; — Дж. Даничиѣ Србска синтакса. део првиѣ. У Београду. 1858.

пріемами, прилагать отвлеченное разсужденіе, какъ объяснительную силу прямо къ явленіямъ Русскаго языка, какимъ его знаемъ нынѣ въ письменномъ употребленіи или и въ живой рѣчи подѣ властію ли обычаевъ приличія образованнаго общества или даже и подѣ властію навыка простаго народа, какъ источника дающаго языку образованнаго общества главную питательную силу, должно было оказаться невозможнымъ въ такой же мѣрѣ какъ подвергать научному обсужденію какое бы то ни было явленіе жизни отдѣльно, безъ связи со всѣми другими сродными явленіями. Передъ глазами изслѣдователя долженъ быть языкъ во всемъ разнообразіи его мѣстныхъ и временныхъ видоизмѣненій, и, въ слѣдствіе анализа не отвлеченнаго, а чисто вещественнаго, явиться передъ нимъ болѣе или менѣе стройною связью явленій, подчиненныхъ законамъ естественной измѣняемости и перестраиваемости, соподчиненія и взаимодѣйствія, и законамъ вліянія внѣшнихъ причинъ. Такъ разсматриваемый языкъ не можетъ быть для изслѣдователя явленіемъ выдѣленнымъ отъ всѣхъ другихъ, хотя бы и стройно сложнымъ и самостоятельно полнымъ, а только однимъ изъ явленій, которыя съ нимъ болѣе или менѣе сродны и среди которыхъ онъ занимаетъ мѣсто частное, какъ мѣстное нарѣчіе въ ряду другихъ мѣстныхъ нарѣчій того же языка. Разбирая строй Русскаго языка въ его временныхъ и мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, изслѣдователь не можетъ отстраниться отъ разбора ни другихъ Славянскихъ языковъ и нарѣчій, ни такихъ близко сродныхъ со Славянскимъ, каковы Литовскій, Латышскій и Тевтонскіе, ни даже такихъ болѣе далекихъ, но все таки сродныхъ, каковы на пр. Греческій, Санскритскій и т. п. Тѣмъ болѣе нужно такъ расширить кругъ наблюденій изслѣдователю, который подобно г. Потембѣ, держится вмѣстѣ со многими другими убѣжденія, что такъ же какъ до появленія разныхъ мѣстныхъ нарѣчій Русскихъ, было одно Русское нарѣчіе, мѣстное въ отношеніи къ одному Славянскому языку, такъ и до выдѣленія Славянскаго языка отъ другихъ былъ одинъ языкъ для Славянъ и Литовцовъ съ Латышами, еще ранѣе одинъ для этихъ всѣхъ вмѣстѣ съ Греками и т. д.,

еще ранѣе для всѣхъ людей Аріійской отрасли. Такой изслѣдователь долженъ на всякое, по крайней мѣрѣ на всякое важное свойство строя разсматриваемаго языка глядѣть какъ на явленіе, могшее получить начало въ очень и очень отдаленное время, искать его первообраза съ коренными признаками въ языкахъ древнѣйшаго образованія или въ тѣхъ, гдѣ коренные признаки сохранились въ наиболѣе чистомъ видѣ, и проникать въ повременный порядокъ видоизмѣненій разсматриваемаго свойства въ разныхъ языкахъ. Такой изслѣдователь не позволитъ себѣ увѣренности ни въ силу своей догадливости, ни тѣмъ менѣе въ умѣстность случайныхъ приравненій. Кругъ его наблюденій и ихъ сводовъ ограничивается только однимъ предѣломъ — предѣломъ невозможности проникнуть далѣе, и работы его тѣмъ труднѣе и сложнѣе, чѣмъ менѣе можетъ онъ пользоваться прежде сдѣланными наблюденіями съ увѣренностью; что онѣ полны и точны.

Такъ и понялъ свои обязанности г. Потебня. Начавъ съ подбора данныхъ Русскаго языка прежняго и нынѣшняго времени и съ приведенія ихъ въ стройный порядокъ, онъ продолжалъ свою работу подборами объяснительныхъ данныхъ изъ языка Старославянскаго, и изъ Западно-Славянскихъ нарѣчій, за тѣмъ обратился къ даннымъ языка Литовскаго и Латышскаго, нѣкоторыхъ Тевтонскихъ и т. д. Не разъ, конечно, долженъ онъ былъ воротаться къ источникамъ, уже прежде имъ обслѣдованнымъ, для провѣрки наблюденій или для исканія данныхъ, которыя прежде могли быть имъ незамѣчены; не разъ потрудиться и надъ перевѣркою итоговъ, полученныхъ прежде. Не утаенно и не безъ признательности пользовался онъ тѣмъ, что сдѣлано до него другими изслѣдователями, такими какъ Буслаевъ, Гаттала, Миклошичъ ¹⁾, и т. д.; но только тогда, когда находилъ это возможнымъ; въ такой же мѣрѣ безъ самоувѣренности и тщеславія онъ отклонялся отъ выводовъ, несогласныхъ съ выводами, къ кото-

¹⁾ Изъ произведеній Миклошича особенно важна была для г. Потебни четвертая часть его «Vergleichende Grammatik»: Syntax, которой начало появилось еще въ 1868 г., а конецъ только въ 1874 году.

рымъ его приводили его личныя наблюденія. Нѣтъ ни суетливой поспѣшности въ приисканіи исхода, ни позывовъ упорства стоятъ на своемъ на перекоръ даннымъ, ни щеголянья новизною. Видимъ простой, покойный трудъ ученаго, у котораго нѣтъ никакихъ заднихъ мыслей и побужденій, кромѣ желанія узнать узнаваемое какъ можно вѣрнѣе. Если бы такой трудъ и не привелъ изслѣдователя ни къ чему особенно важному, то онъ все таки былъ бы достоинъ полнаго уваженія какъ трудъ веденный по приемамъ стоющимъ подражанія, и съ помощію ихъ по крайней мѣрѣ оправдавшій то, что было до него только сомнительно вѣрно. Трудъ г. Поттебни достоинъ уваженія не только по приемамъ, въ немъ употребленнымъ, но хотя отъ части и по тому свѣту, который имъ наведенъ на одну изъ любопытнѣйшихъ сторонъ строя Русскаго языка въ его историческомъ развитіи сравнительно съ другими.

Обнявъ взглядомъ разнообразныя явленія составнаго сказуемаго, г. Поттебни нашелъ наиболѣе удобнымъ привести ихъ въ строй къ четыремъ порядкамъ: 1) явленія при глаголѣ или причастіи именительнаго втораго; 2) явленія вторыхъ косвенныхъ падежей; 3) явленія неопредѣленнаго наклоненія безъ падежей и съ падежами; 4) явленія творительнаго падежа вообще и особенно въ случаяхъ замѣны имъ втораго согласуемаго падежа. Показать какъ что имъ разсмотрѣно значило бы повторить всю книгу—въ томъ же или какомъ нибудь другомъ порядкѣ. По неволѣ ограничиваюсь только кое чѣмъ.

Прежде всего воспользуюсь собственными словами г. Поттебни, для обозначенія основнаго вывода о двухъ періодахъ жизни языка, какъ они выражаются въ строгѣ предложенія.

«Прежде созданное въ языкѣ двойко служитъ основаніемъ новому: частію оно перестраивается за ново при другихъ условіяхъ и по другому началу, частію же измѣняетъ свой видъ и значеніе въ цѣломъ—единственно отъ присутствія новаго. Согласно съ этимъ поверхность языка всегда болѣе-менѣе пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ. Признавая эту пестроту поверхности языка (на пр. то, что обороты «онъ

быль купецъ» и «овъ былъ купцомъ», стоящіе рядомъ въ нынѣшнемъ языкѣ, не одновременны по происхожденію и не однородны, но построены по различнымъ планамъ), стараясь сколько нибудь опредѣлить пропорціи, въ какихъ на обращенной къ намъ поверхности языка смѣшаны разнохарактерныя явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приходимъ къ необходимости выяснить характеръ ихъ, поставивши ихъ въ ряды другихъ, съ ними однородныхъ. Явленія представляемыя составными членами предложія принадлежатъ къ двумъ разновременнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ. Древнѣйшее изъ нихъ оказывается, за немногими исключеніями, общимъ Славянскому языку съ другими древними Индоевропейскими. Общая его черта есть недостаточное синтактическое различіе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ, и въ составѣ предложія такое господство началъ согласованія, при которомъ члены предложія, сравнительно съ позднѣйшимъ языкомъ, слишкомъ однородны (вторые падежи такіе же какъ и первые: при первомъ именительномъ второй именительный, при первомъ родительномъ такой же второй, и т. д.). Во второмъ, болѣе позднемъ наслоеніи, отъ части уже покрывшемъ собою первое, мы находимъ: — сліянiе составного сказуемаго въ цѣльное, — усилія, отъ части успѣшныя, образовать чисто формальные глаголы, — разложенія составного сказуемаго на сказуемое съ придаточнымъ предложіемъ, — замѣны вторыхъ сказуемыхъ падежей частію несклоняемыми словами сравнительно поздняго образованія (прилагательнаго нарѣчіемъ, причастія дѣепричастіемъ), частію падежами съ предлогомъ, частію творительнымъ падежемъ. Сюда же принадлежатъ вѣкоторыя измѣненія въ неопредѣленномъ наклоненіи. Эти явленія при всемъ своемъ разнообразіи имѣютъ то общее, что составляютъ результатъ стремленія къ дифференцированію членовъ предложія. Языкъ, къ которому они принадлежатъ, по своеобразности и своему грамматическому совершенству (языкъ новый) стоитъ выше того, къ которому относятся составные члены предложія (языкъ древній)».

Все это доказано въ книгѣ подробностями, не случайно подобранными, а естественно слившимися къ этому общему центру.

Такъ на пр. та часть вывода, въ которой указано, что общія черта древняго языка есть недостаточное синтактическое различіе и даже безразличіе глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ, не могла не явиться послѣ разбора употребленія многихъ глаголовъ, начиная съ глагола *быть*.

«Глагольные формы корня этого глагола, потерявши предполагаемое въ немъ значеніе «рости» (ср. Гр. φύον, Слав. быти), долго оставалось при довольно конкретных, отнюдь не часто формальныхъ значеніяхъ возникновенія (стать, возникнуть) и случайности, превращенія (стать другимъ), пребыванія, совершенія. Сродные языки ставятъ на мѣсто этихъ формъ различные весьма конкретные глаголы. *Быть* во множествѣ случаевъ соответствуетъ Греческому ἐγενετο, γέγονεν. Въ выраженіи «съ горы идѣже послѣже бысть Къиквъ» вм. бысть мы теперь поставимъ «создался, построился, сталъ, возникъ» и т. д.; въ «соволокѣться и бѣдѣ назъ» бѣдѣ значить не то что нынѣ, а «стануть»; «да бѣдете мои ученици значить ἵνα γενήσεσθε ἐμοὶ μαθηταί, чтобы вы стали моими учениками (всп. вся тѣмъ быша и безъ него ничто же не бысть кже бысть). Вмѣстѣ съ глаголомъ γύνομαι гл. бѣдѣ—быти имѣлъ значеніе случиться, сбываться, совершиться: «аще бѣдетъ обрѣсти» = εἰάν μὴ μένη, nisi manserit, bleibe denn, ne zůstala li by, iesli nie będzie trwała, jej ne pasiliekt, и т. д. Въ относительно позднее время бы-буд теряетъ значеніе werden, для выраженія котораго начинаютъ употреблять другіе глаголы (на пр. въ Рус. стану стать) и получаетъ значеніе бытія — безъ всякой особенной конкретности.

Глаголь *есть-буду-быть* не только въ значеніи бытія, но и въ разныхъ отгѣнкахъ конкретнаго значенія требуетъ за собою

именительнаго не только причастій, но и именъ прилагательныхъ и существительныхъ (мънози же бждѣтъ пръвии послѣднии, а послѣднии пръвии, Богъ ти бжди послѣхъ, разболѣвъся и бысть мнихъ; Болгаре насельници Словѣномъ быша). Вмѣстѣ съ этимъ глаголомъ такимъ же свойствомъ притяженія именительнаго обладали въ древнемъ языкѣ и многіе другіе глаголы: мнѣтиса, творитиса, повѣдатиса, гвѣтитиса, прѣбыти, стати—стояти, сѣсти—сѣдѣти, лежати, вестиса, прѣстати, коньчати, съвршити, довлѣти, съжалитиса, ѹбогатиса, и др. Вотъ нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на это:

— ничтоже ся мѣни (женѣ) сътвориши бесѣчиньна (Изб. Свят. 1073 г. о женѣ): думала что не сдѣлала ничего непристойнаго; — мнѣшеся ѹмомъ сѣдя ѹ цркви (Бор. и Гл.): представлялъ себя въ умѣ сѣдящимъ у церкви; — законъ незаконникомъ отечества мнѣтиса (Геор. Амар.): у неимѣющихъ закона отеческіе обычаи считаются закономъ.

— творѣшеся (игѹмень) епископа прашавъ (Вопрош. Кир.): сказывалъ, будто бы епископа спрашивалъ; — творятъ инии слышавъше отъ епископъ (т. ж.): даютъ знать, будто слышали отъ епископовъ.

— Изяславъ передъ вами не творитиса правъ (Ип. л.): не выдаетъ себя правымъ.

— повѣдаше бо ся изъ инога града пришедши (Бор. и Гл.): сказывалась приходшею изъ инога города.

— да ся быша гвѣили члѣвкомъ постяще (Мѣ. VI: 16): чтобы показаться людямъ постящимися; Вышегородъ вторымъ Селѣмъ гвѣиса въ Русьстѣи земли (Бор. и Гл.): В. сталъ на Руси вторымъ Селунемъ.

— пребысть негды (Бор. и Гл.): остался неѣвшимъ; — пребывающи сѣдя и позорѹга ины (Посл. Никиф.): остаешься сидящимъ и глядящимъ на другихъ.

— ста рака непостѣпящи (Бор. и Гл.): остановилась рака неподвижною; — стояше вся осенина дѣждева (Новг. л.): вся осень оставалась дождливой.

— Святъславъ сѣде княжа въ Перемславьци (Пов. вр. л.): С. сѣлъ княжить въ П.; — сѣде Олегъ княжа въ Кынѣвѣ (Пов. вр. л.).

— Лежала въ лари таа грамота положена годъ (Пск. лѣт.): осталась лежать та грамота въ ларѣ годъ; — Угре лежахѹтъ пыани ꙗко мѣртва (Ипат. л.): Уг. лежали пьяными; — та вотчина лежитъ пѣста (Гр. 1609).

— Дигаволь не престаѹтъ воюга на родъ члѣцкын (Пов. вр. л.); — Даниль не престаѹшеть строга рать (Ипат. л.): Д. непрестаѹвалъ устроить войско.

— Ови ведѹтъся полонени, ови посѣкаеми (сѣтъ) (Пов. вр. л.): иныхъ повели плѣнными, иныхъ побили.

— Коньчаша прѣовъ владѣчню пишюще (Новг. л.): окончили расписывать церковь; — ꙗко сконча зижа (церковь) ѹкраси ю иконами (Пов. вр. л.): когда окончили строить (церковь), украсилъ ее иконами.

— ꙗгда сѣврыши Исѣ заповѣдаѹ ѹченикома (Мѣ. XI: I): когда I. окончили свою заповѣдь ученикамъ.

— Даниль сѣжали си отъславъ сына си Л'ва (Ипат. л.): Д. пожалѣлъ что отослалъ своего сына Льва.

— не ѹбоѹшася князя два имѹще (Пов. вр. л.): не испугались того, что у нихъ было два князя.

Приведа примѣры подобнаго употребленія такихъ глаголовъ изъ Сербскаго, Чешскаго, Литовскаго и Латышскаго, г. Потѣбня далъ такое объясненіе сочетанія означенныхъ глаголовъ съ причастіемъ:

«Въ составномъ сказуемомъ стариннаго языка, какъ въ «твориться ида» значеніе причастія «ида» (въ отношеніи къ глаголу «твориться» — притворяется) составляетъ содержаніе его притворства; признакъ заключенный въ причастіи представляется возникающимъ въ силу энергій выраженной глаголомъ «твориться»; причастіе согласуемое съ подлежащимъ, и такимъ образомъ не самостоятельное по отношеніи къ нему, въ то же время не самостоятельно и по отношеніи глагола въ сказуемомъ. Въ выра-

женіи нынѣшняго языка «идучи притворяется» содержаніе дѣепричастія «идучи» не возникаетъ вмѣстѣ съ дѣятельностію глагола, а только сопровождаетъ ее, при чемъ глаголь требуетъ поясненія (обозначенія содержанія притворства)... Глаголь здѣсь не вспомогательный, а самостоятельный (такъ же какъ и дѣепричастіе въ отношеніи къ подлежащему). Древній языкъ не видитъ формальной разницы между глаголами «твориться» и «ксть» въ «твориться ида» и «ксть судя», принимая оба за вспомогательные»...

Другое не менѣе любопытное объясненіе дано г. Потевней при показаніяхъ сочетанія этихъ и другихъ глаголовъ съ прилагательными въ именительномъ падежѣ (стр. 67 и слѣд.) и съ существительными (стр. 75).

Отдѣльно отмѣченъ «второй именительный съ причастіемъ аппозитивнымъ (соѣставное приложеніе), гдѣ означенные глаголь: являются въ видѣ причастій:

— Каиафа архiereя сы лѣтѣ томѣ (Іо. XI: 49); — Андрей князь толикъ ѡмникъ сы (Ип. л.); — преставися епископъ Стефанъ бѣвъ преже игѣмень Печерьскомѣ монастырю (Пов. в. л.).

— Равнь ся творя Богѣ (Іо. V: 18); — Ростовци и Сѣздалци творящеса старѣшии: выказывая себя старшими; — Мьстиславъ творяся на Ляхы ида (Ипат. л.): М. показывая видъ, что идетъ на Ляховѣ.

— Литва мняще мирно сѣще (Ипат. л.): Л. думая что находятя въ мирѣ...

Представя значительное количество разныхъ случаевъ употребленія втораго именительнаго, соединяемаго съ глаголомъ, какъ выраженія свойства древняго языка, только отъ части оставшагося въ болѣе позднемъ языкѣ, г. Потевня съ такимъ же вниманіемъ остановился и на случаяхъ употребленія вторыхъ косвенныхъ падежей: винительнаго, родительнаго, дательнаго.

Остановясь на винительномъ, онъ прежде всего обозначилъ опредѣлительно различіе древняго и новаго языка въ кругѣ употребленія винительнаго падежа: въ новомъ языкѣ кругъ его употребленія гораздо ограниченнѣе. Въ древнемъ языкѣ «слышати

вѣхвы» значило и «слышать волхвовъ» и «слышать о волхвахъ», а потому и можно было употреблять винительный падежъ *post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi*, и сказать: видѣвше короля идуша прочь (Лавр. л.), увѣдавше смерть князю (Ипат. л.), мнѣхъ Болгарьскыи полкъ (Лавр. л.), мнѣша тѣ Святослава и Рюрика (Ипат. л.), повѣдаша вѣжи и стада Половецкага ꙗ Голубого лѣса (Ип. л.)... Въ новомъ языкѣ этотъ винительный во многихъ случаяхъ невозможенъ и замѣняется другимъ оборотомъ, иногда очень сложнымъ. «Въ памятникахъ, изъ коихъ можемъ заимствовать примѣры (широкаго употребленія винительнаго падежа), столько же или и болѣе обычны обороты близкіе къ нынѣшнимъ съ предлогами и союзами: «слышавъ о..., увѣдаша еже (:аже, ꙗко и пр.). Это только подтверждаетъ ту извѣстную истину, что явленія возникшія при старомъ строѣ языка, могутъ пережпвать этотъ строй, исподоволь становясь исключениями, и что на оборотъ новыя явленія языка въ началѣ являются какъ пятна на старыхъ. Намъ важно только то, что чѣмъ архаичнѣе памятникъ по языку, тѣмъ болѣе обходимо въ немъ разграниченіе прямого и посредственнаго объекта, и что нынѣшнему книжному языку вовсе чужды обороты, еще встрѣчаемые въ просторѣчїи, какъ на пр. «сказываетъ журавля на соснѣ, наказать семь пятницъ на недѣлѣ, чуемо тамъ добраго пана». Такой винительный уцѣлѣлъ и въ Сербскомъ и въ Латышскомъ, и вовсе не предполагаетъ опущенія неопредѣленнаго наклоненія.

Второй винительный можетъ быть существительнымъ, прилагательнымъ, причастіемъ (въ болѣе позднемъ языкѣ дѣепричастіемъ); можетъ быть простымъ и составнымъ: сына монго поимите собѣ князя (Новг. л.), села ихъ пѣста положиша (Новг. л.), видѣша князя бѣжавша (Пов. вр. л.), князя творяхѣтъ спяща (Ипат. л.), слышавша князя вршедша (Лавр. л.) = слышавше князя пришедше (Ип. л.), видѣ желѣза изломана лежаща (Сказ. Бор. и Гл.), обрѣтено тѣло святаго лежаще цѣло (т. ж.), видѣвъ и добръ сѣщъ зѣло лицемъ ꙗ смысленъ (Пов. вр. л.). Такіе обороты находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчїяхъ—то въ древнихъ, то и въ новыхъ. Уцѣ-

лѣю кое-что и до селѣ въ Русскомъ: Беспечальна мати меня породила (Пов. о горѣ злоч.), ласточку свою онъ видитъ на снѣгу замерзшую (Крыл.), раздѣвали раненыхъ оставляя нагихъ посреди поля (Пуш.), мене мати породила некрещѣну (Пѣс.), видѣли молодца сядучись, а не видѣли молодца поѣдучись (Быт.: по др. сп. безъ съ: сѣдучи, поѣдучи).

Разсмотрѣніе употребленія родительнаго падежа второго, по согласованію съ первымъ, предупреждено общими объясненіями употребленія родительнаго частнаго, отрицательнаго, искомаго (при глаголахъ: алкать, жаждать, ждать, требовать, искать, просить, и т. п.). Затѣмъ разсмотрѣно употребленіе второго родительнаго, какъ замѣняющаго второй винительный, при глаголахъ отрицательныхъ — употребленіе общее всему Славянскому языку, и оставшеся въ такой же измѣненной формѣ, какъ въ народномъ Русскомъ (съ дѣпричастіемъ). Кромѣ того обращено вниманіе на родительный времени, который при употребленіи причастія (или вмѣсто него дѣпричастія) является не только двойнымъ но и самостоятельнымъ: — Того же лѣта исходяча приходи Романъ къ Вручому (Лавр. и Ипат. л.), того же лѣта исходячи разболѣся Мьстиславъ (Ип. лѣт.), сѣде Романъ въ Кіевѣ мѣсяца июля наставшиа (Ипат. л.), и пр. Съ этимъ употребленіемъ родительнаго можно сравнить наши выраженія: прошлаго года, прошлаго лѣта, минувшаго лѣта и т. п.

Наблюденія надъ употребленіемъ второго дательнаго падежа, кромѣ его сочетанія съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, приводятъ къ отличенію двухъ его положеній: въ одномъ дательный является въ видѣ дополненія къ главному сказуемому, въ другомъ — въ видѣ независимаго прибавочнаго предложенія, что называется дательнымъ-самостоятельнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ мѣсто причастія можетъ быть занято дѣпричастіемъ, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

— а. Аще велика человекѣа крестиши, аще блазнь бѣдетъ кмѣ спящѣ въ тѣ осмь днии, дати кмѣ причащеніе немѣвшеся (: немѣвшѣся) но кланявшюся (Вопр. Кир.);—добывшѣ

къмъ землѣ Нѣмецкога дати къмъ всю Романови (Ипат. л.); — братѣ твоимъ Михаилѣ умершу еще девятого дне нѣтъ (Лавр. лѣт.: ср. этому ребенку еще нѣтъ девяти дней).

— б. Сѣдячю же Глѣбови въ Къиквѣ приде множество Половецъ (Ипат. л.); — ратившемася полкома побѣди Ярополкѣ Ольга (Пов. вр. л.); — идѣчи ми сѣмо видѣхъ бани древѣны (Пов. вр. л.); — приде князь Ѡминѣ недѣли исходяче (Новг. л.), — зажжеся пожаръ въ недѣли на всѣхъ святыхъ, идѣче къ заѣтреню. (Новг. л.); — бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ видяще ѡ собе великого князя всея Ростовскыя земли (Ипат. л.).

Разсмотрѣніе обстоятельствъ появленія дѣепричастія въ означенныхъ сочетаніяхъ дало г. Потебнѣ поводъ вникнуть въ разные отгѣнки употребленія дѣепричастія въ Русскомъ старомъ и новомъ простонародномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Литовскомъ и Латышскомъ.

За изслѣдованіемъ случаевъ появленія вторыхъ косвенныхъ падежей въ книгѣ г. Потебни дано мѣсто разбору обстоятельствъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія. При этомъ изслѣдователь нашелъ нужнымъ прежде всего отвѣчать на нѣкоторые общіе вопросы, и во первыхъ на вопросъ: что такое неопредѣленное наклоненіе, имя или глаголъ? Разборъ мнѣній соединенъ съ припоминаніями грамматическаго значенія и употребленія инфинитива въ разныхъ языкахъ, и сводится къ выводу, что хотя въ бывшее время онъ и произошелъ изъ существительнаго, но по своему значенію и употребленію долженъ быть разсматриваемъ какъ часть глагола. Другой общій вопросъ касается количества разныхъ родовъ случаевъ употребленія инфинитива въ разное время, при чемъ между прочимъ обращено вниманіе на замѣненіе инфинитивомъ особенныхъ формъ на тѣ (бытѣ) и на тѣ (т. наз. достыгательнаго), а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ограниченія употребленія инфинитива въ Болгарскомъ и Сербскомъ.

Перейдя къ частностямъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія преимущественно въ Русскомъ языкѣ, г. Потебня распре-

дѣлаетъ ихъ на два главныхъ отдѣла: въ одномъ разсматриваетъ субъективное неопредѣленное подъ зависимостью глагола личнаго, въ другомъ неопредѣленное объективное.

Въ первомъ отдѣлѣ дано мѣсто разбору случаевъ появленія неопредѣленнаго при глаголахъ имамъ, хоцѣ, начну, стану, буду, и потомъ при другихъ глаголахъ (желаю, прошу, люблю, надѣюсь, обѣщаю, клянусь и пр.) и при прилагательныхъ (радъ, воленъ, готовъ, способенъ, достоинъ, склоненъ, привыченъ, ретивъ, лѣнивъ, слабъ и пр.).

Во второмъ отдѣлѣ разсмотрѣны случаи употребленія: винительнаго съ неопредѣленнымъ (осждиша и быти повинна съмрти), дательнаго съ неопредѣленнымъ (достойтъ ти быти кроткъ), неопредѣленнаго съ дательнымъ (аще ли вы будетъ крестъ цѣловати), неопредѣленнаго съ другимъ неопредѣленнымъ (сколько ни плакать а быть перестать), неопредѣленнаго со страдательнымъ отгѣнкомъ (аже по грамотамъ ходити ногама, аже кто изрѣзавъ помететь, а слова бѣдетъ знати).

Подробно разсмотрѣны и случаи употребленія неопредѣленнаго н. связаннаго съ главнымъ предложеніемъ посредствомъ относительнаго слова (како ваю похвалити, нѣ камо ся дѣти), неопредѣленнаго съ бы (створи совѣтъ кѣда бы воевати, поча думать како бы ѡмирится) и неопредѣленнаго абсолютнаго (знать не знаю, вѣдать не вѣдаю).

Послѣдняя часть второй книги Записокъ, посвящена изслѣдованію творительнаго падежа. И тутъ прежде всего дано мѣсто разсмотрѣнію разныхъ взглядовъ на творительный падежъ и объясненію собственнаго взгляда изслѣдователя. За тѣмъ разсмотрѣны разные случаи употребленія творительнаго по отгѣнкамъ его значенія: тв. соціативный (солю и квасомъ и водою мѣкъ мѣсимъ), — тв. мѣста (вънидѣте жькыми враты), — тв. времени (четырьми десяти и шести ж лѣтъ създана бысть цркъы ся, а ли трьми дньми въздвигнеши ж), — тв. орудія и средства (придоша коньми), — тв. условленный страдательнымъ сказуе-

мымъ (не стыдися ницетоу, ну жею поведеса), — тв. условленный именемъ или нарѣчіемъ (повинни опитимьео, богатъ милостію), — тв. отношенія (възрастомъ лѣпъ, лицомъ и голосомъ герой), — тв. причины (изнемагахоу людикъ гладомъ, ѡбьенъ бысть свѣтомъ богарь), — тв. образа дѣйствія (боися ложью глаголати, самъ не ходяшетъ полкъы своими). Хотя этому разсмотрѣнію дано мѣсто только какъ вставкѣ, не непосредственно относящейся къ задачѣ книги, тѣмъ не менѣе оно очень богато припоминаніями и соображеніями, очень любопытными и важными.

Отдѣльно и сравнительно подробнѣе разсмотрѣнъ творительный падежъ на мѣстѣ вторыхъ (согласуемыхъ) падежей. За разборомъ разныхъ взглядовъ на него, изслѣдователь остановился на значеніи его какъ выраженія признака и состоянія и обратилъ вниманіе на употребленіе его для уподобленія (вълкомъ рыскаше), — на значеніи творительнаго аппозитивнаго (пострижесе дщи его дѣвою), — на замѣненіе имъ второго косвеннаго падежа (престѣпникомъ зъвати, поставилъ Ярославъ Лариона митрополитомъ). — на употребленіе его вмѣсто именительнаго предикитивнаго (бѣ была мати его черницею), — на употребленіе творительнаго въ прилагательныхъ (мимоходячи прославятъ челоуѣка любо добрымъ любо злымъ). Разсмотрѣніе частныхъ этихъ употребленій творительнаго падежа закончено общими соображеніями относительно характера ихъ и припоминаніями подобныхъ явленій въ языкахъ Польскомъ и Литовскомъ.

Ограничиваю пока этимъ обзорѣніе труда г. Потевни.

Стройное богатство подобранныхъ данныхъ, ихъ объясненій и сближеній, приводящихъ къ характеристикѣ древняго и новаго Русскаго языка, и положительность выводовъ о ходѣ его измѣненій даютъ труду г. Потевни важное значеніе въ ряду другихъ новыхъ трудовъ по Русскому языку. Не онъ началъ то, за что взялся; но онъ продолжалъ начатое другими съ такимъ успѣхомъ, что если теперъ кто нибудь займется изученіемъ Русскаго языка съ исто-

рической точки зрѣнія, при помощи трудовъ изданныхъ до Записокъ г. Потебни, и не возметъ въ помощь себѣ этихъ Записокъ, то онъ во многихъ случаяхъ останется въ темнотѣ, съ вопросами безъ отвѣтовъ, или съ неясными отвѣтами безъ доказательствъ.

Признавая достоинства трудовъ г. Потебни по Русской грамматикѣ, 2-е Отдѣленіе Академіи нашло ихъ достойными Ломоносовской награды и опредѣлило представить объ этомъ Общему собранію Академіи.
